
1926
ПИОНЕР
ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
ДЕТСКИЙ
ЖУРНАЛ
№ 2
ЛАКО-КРАСКА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

СОВЕТЫ ВОЖАТОГО

Миша Зак

А, ну-ка, сделайте это!

Каждый юный пионер, учащийся в школе, знает, что одна из его самых важных задач — это втянуть всех учащихся в общественную работу. Но не каждый пионер над этой задачей думает.

«Это дело учкома и форпоста. Пусть они что-нибудь придумают, а наше дело исполнять»—вот что часто говорят пионеры.

Но это неправильно. Каждый пионер и даже каждый ученик должен продумывать то, что школьники могли бы сделать, и внести свои предложения о работе.

Возьмем несколько примеров. Посмотрите вокруг своей школы. Есть ли у вас площадка, где бы можно было поиграть младшим ребятам, покататься с горы, а иногда даже и каток сделать? Наверно, нет. А пробовали ли вы эту площадку или во дворе самой школы или недалеко от школы устроить? А, ну-ка, попробуйте, и вы увидите, что это и для вас будет интересно, да и не-учащиеся школы на площадку с удовольствием придут. А вот, совсем недалеко от вас, наверно, есть небольшой сад. Там и взрослые часто гуляют, да и маленькие дети приходят гулять и играть. Что если вам взять его под свое наблюдение, расчищать дорожки, место для игр маленьким и т. п. Здесь вам работы хватит не только зимой, но не меньше весной и летом. Попробуйте поднять этот вопрос в вашей школе.

А вот работа посерьезнее. Вы все знаете, что сейчас много детей из детских домов, отправленных в деревню к крестьянам. Некоторые из них, может-быть, были вашими товарищами. А как они сейчас живут и что делают—никто из вас не знает. А что, если вам взять нечто в роде шефства над этими ребятами. Возьмите их адреса в ОНО, напишите этим ребятам, а также деревенской комсомольской ячейке и пионер-отряду и из ответных писем этих ребят вы увидите, в чем они нуждаются. А нуждаются они во многом: иногда в книжечке, а иногда и просто в совете, что им делать... А подсчитайте, если каждая школьная группа всех наших городских школ возьмет такое шефство над 3—5 ребятами, скольким детям вы окажете помощь?

Примеров таких работ вы сможете найти очень много. Здесь важно помнить только об одном. Не нужно браться за большое количество работы. Лучше взять одну какую-либо работу, но проводить ее более глубоко и систематически. Ведь, каждый из пионеров знает лозунг Ильича: «Лучше меньше, да лучше». Общественная работа — самая главная работа, на которую пионеры должны обращать внимание в школе. Эта работа самая интересная, полезная и лучше всего связывает школу и учеников с жизнью.

ОТ РЕДАКЦИИ: Ребята, пишите о ваших опытах общественной работы. Давайте свои предложения о том, что можно и нужно бы сделать в вашей школе.

Ответы деткорам

Редакция «Пионера» получает от ребят приблизительно 30 писем в день.

Но печатать из этих писем приходится немного. Ребята не умеют писать.

Вот, например:

Наша библиотека.

«На руднике Раковском, Донбасс, в коллективе Ю. П. есть библиотечка. Разбита на 6 отделов имеет 175 книг.

Библиотека служит пособием для звеньевых занятий, в ней можно найти материал по любому вопросу. Библиотечка собралась постепенно, от пионеров, которые приносили свои книги».

Пионер Вася Таежник

Ну, что дает такая заметка?

Ведь, заметка должна описывать опыт работы так, чтобы, читая заметку, другие отряды учились, как надо работать.

На общественной работе.

Солнце жжет немилосердно.

Море тихо плещется о пляж одного из Крымских курортов.

Сегодня на море праздник «Общества спасания на водах». (ОСНВ).

Вдали на море чуть-чуть видны очертания океанского парохода «Декабрист».

И тут главными помощниками в празднике являются пионеры.

Снуют взад и вперед, наводя порядок. Наш пионерский лозунг: «везде, где нужна наша помощь,—мы будем являться первыми».

П. Гольберг.

Какой общественной работе можно научиться, читая данную заметку?

Так же и в других заметках. Пишет парень об отряде:—такого-то числа организовался, столько-то ребят, два вожатых, есть барабан и т. д. Не это важно; важно описать опыт работы, а такие заметки просто скучно читать.

Заметки К. Николаева (с. Кожино), цехом Спартака (Дагестан), Ивана Цветкова (дер. Вокшево), Н. Гувилкина (с. Гиблиши), Ильинского (ст. Болотная, Сибирь), Маруси Полухиной (ст. Потемкинская), Васи Новикова (Тула), В. Копытина, Куприянова В. и Китаева И. (Орша) страдают этим недостатком и не будут напечатаны.

Второй недостаток многих заметок тот, что они интересны только для местного отряда, а не для всех — например, нет барабана, а шеф не покупает. Парень Мишка отлынивает от работы и т. подобное.—Ребята обязательно хотят поместить это в «Пионер»,—но это не общее явление, а случаи местные и писать о них нужно в местных газетах.

Заметки Г. Цейтлина и С. Чудакова (Почеп), «Надо изжить» Тайбы Эгенбург (Копеткевичи), Пантелева (Подольск), В. Березниковского (Б.-Соли, Кострома) именно такие—местные и напечатаны не будут.

Чаще всего пишут ребята о работе отряда и пишут, перечисляя все сделанное по порядку.

«Провели смычку с деревней, сделали две экскурсии, связь с производством у нас хорошая». Ведь, это все общие фразы, как именно работает отряд; из таких фраз ничего не узнаешь и научиться из таких заметок нечему, а читать их — зеленая скука.

Нужно писать не обо всем сразу, а лучше об одном, да как следует описать, картинно, интересно. Нужно писать не только **что** сделано, а **как** это сделано, тогда только заметки будут читаться ребятами с интересом и из них можно чему-либо научиться.

Поэтому, заметки, присланные Советом 9-го отряда (Тула), Ваней Темненковым (ст. Перово), Крашенинниковым (г. Чебоксары), А. Негановым (ст. Жерновогорье, Вятка), Звеном Летчик (станция Евстратовка), Б. Берлиным (Смоленск), М. Цветковым (г. Кологрив), Мих. Рудиным (ст. Товарково), идут в редакционную корзину.

Любят ребята описывать праздники с барабанным боем, с торжественными речами. Об Октябрьской годовщине целая куча заметок и все одна на другую похожи, а как готовились к празднику—не пишут.

(*Окончание см. 3-ю стр. обложки*).

СОДЕРЖАНИЕ:

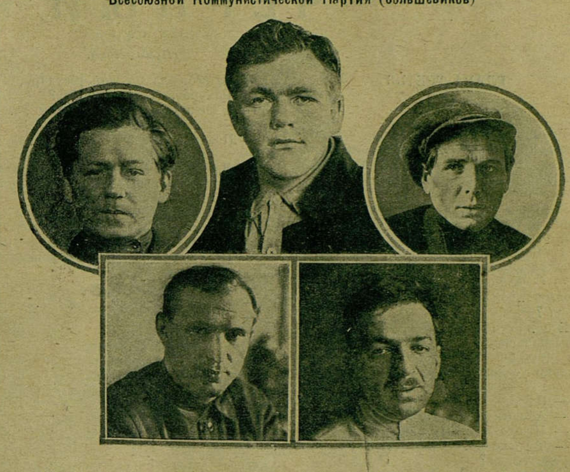
РЕДКОЛЛЕГИЯ: *А. Волков, Х. Добин, В. Зорин, Н. Крупская, Е. Теремякина.* **ОТВ. РЕДАКТОР** *Х. ДОБИН.*

Главлит № 55043. 5-я тип. «Транспечати» НКПС «Пролетарское Слово». Москва, Южный пер., д. 4. Тираж 30.000.

Гори костер, обласкивай
Деревья, снег и нас!..
Мне будет лучшей сказкою
Про Ленина рассказ.

3. РАССКАЗ ОТЦА

— Ну, какие сказки тут,
Это, Костя — быль...
К нам (тому пять лет назад)
Примчал автомобиль.
Из Москвы примчался он.
А приехал в нем
Коммиссар, мол, думаем,
Этот, что с ружьем.
Подошел к избе моей,
Стукнул, говорит:
Кто у вас охотники?
В лес бы проводить.
Я сказал ему в ответ:
Что, мол, так и так,
Я, вот, занимаюся,
Хоть небольшой мастак.
Ну, пошли. Дорогою
Говорить взялись...
Я спросил: откуда он?
А он меня — про жизнь:
— Как живете - можете?
— Что там! Жизнь не всласть.
Хорошо ли строите
Новую вы власть?
Где уж нам, ему в ответ
Я - то говорю.
— Кланяемся власти мы
Новой, что царю.
— Кланяетесь власти вы?
Брешешь ты, чудак.
— Вот ей-ей, крещуся я:
Сел в Совет кулак!
Грамотные плохо мы.
Без них не сваришь квас.
Продразверстки тяжести
Вновь легли на нас.
Вот потому-то и говорю
Я тебе промежду прочим:
— Ленина, верно, я очень люблю,
А вас, коммунистов,— не очень.
Усмехнулся ласково.
Молвил: ну, народ...
Он меня, скажу тебе,
Взял тут в оборот.
— Сами виноваты вы,
Должен ты понять,
Он мне слово за слово
Начал раз'яснять.
Что молчите, лешие,
В рот набрав воды?..
Лучше бы сплотилися
В лагерь бедноты.
Ленина ты любишь? Так?
Это не ответ.
Был бы ты сознательным,
Сам пошел в Совет.
Кулаков прогнали бы,
Коль хотели б вы.
. . . .
А я гляжу и слушаю.
Тише воды... Ниже травы...


Комсомольцы, избранные в руководящий штаб партии на XIV С'езде Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)

В Центральный Комитет избраны кандидатами 3 члена ЦК Комсомола: т. ЧАПЛИН (в середине сверху), т. МАТВЕЕВ (левый снизу) и т. ЛОМИНАДЗЕ (правый снизу). В Центральную Контрольную Комиссию: т. МИЛЬЧАКОВ (верхний слева) и т. СОБОЛЕВ (верхний справа)

— Сами вы виновники
Горьких ваших бед...
У вас права. Для вас — Совет.
. . . .
Я вспомнил в волости — портрет.
И тут в три пота бросило.
Тревоги — не постичь.
— Прости, родной, кричу ему.
Да ты, ведь, сам Ильич.
Кричу. Бултых к ногам ему.
А он за то журил.



Да слушай, Костька, слушай же,
Ве ь, это — Ленин был...
. . . .

4. ОДНИМ БОЛЬШЕ

Отец с лица слезинку стер.
Заплакал — погляди...
Рассказом тем зажег костер
Он в Костиной груди.
Покончили с охотою.
Спросил он в тишине.
— В Совете ты работаешь,
А где-ж работать мне?
Рассей, отец, сомнения —
Дай правду мне понять.
И я, ведь, дело Ленина
Хотел бы продолжать.
— Ну, что-ж, попробуй-ка, сумей-ка,
Зачем ходить далече, брат...
У нас Советы и ячейки,
У вас — пионерский отряд.

* * *

Вечером в школе — шум и ...ам.
Ребята готовятся к ле...нским дням.
Работа кипит. О... — горяча.
Готовятся пам... почтить Ильича.
Спектак... репетируют. Пишут плакат.
К... я со всеми работать рад.
...ережа пишет заметку в стенгаз:
„Одним пионером больше у нас.“

Лев Гумилевский — *Рис. худ. И. Дубасова*

ЧЕРНЫЙ ЯР

Роман

(Продолжение).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СЕМИК

Днем в стадо зашла девушка с подойником, крикнула подпаска. Егорка стряхнул сон с тяжелых век, встал из тени и вышел на крик.

— Что?

— Корову проспала,— ответила девушка смущенно,— подоить пришла. Выгони мне ее, пожалуйста!

— Какая ваша корова?—присматриваясь к девушке, спросил Егорка.—Ты чья?

— Софронова я. Черная, комолая, с белым лбом наша корова, неужто не знаешь?

Егорка свистнул собаку, пошел к стаду и выгнал наверх корову. Он смотрел, как девушка подтыкала подол платья и ловко усаживалась с подойником возле коровы.

— Значит, ты Аксютка?—спросил он.

— Аксютка,— ответила она.

— Что-то я тебя не помню.

— Ты еще не ночевал у нас. Где твоя очередь теперь?

— Ноне че у Ненилы буду.

— У Ненилы? Ну, послезавтра до нас дойдешь. Спасибо сказал, я блинов на ужин оставлю. А ты мне, когда просплю, корову выгоняй.

Корова беспокойно отодвинулась, кося глазом на дорогу. Овчарка метнулась из-под Егоркиных ног в сторону. Егорка оглянулся и увидел шедшего к стаду Семика.

Вид у Семика был необычен: рыжая борода подстрижена и приглажена, растрепанные всегда усы — теперь были распущены и счесаны с бородой. За плечами у него висела солдатская сумка, а на защитной рубахе болталась лента крестов и медалей.

Егорка вышел к нему навстречу. Девушка едва успела принять подойник из-под шарахнувшейся в сторону коровы:

— У, спугнул корову мне. Леший!

Семик расхохотался:

— Обожди! От меня скоро и люди будут во все стороны разбегаться.

— Чтой-то?

— А ничего,— Семик подмигнул Егорке, разгладил медали на груди, обернулся к девушке, приглашая усмешкой Егорку послушать,— а что, Аксиньюшка, на кого я похож?

— На лешего.

— Дура,— огрызнулся тот,— в солдатах не была и ума нет. И отчего это баб в солдаты не берут! А я в царской армии шесть годов отслужил, унтер-офицером в запас уволен. Ко мне, бывало, в учебную команду [illegible]нтов присылали на выучку. И те дураками делались. Я им, бывало: что есть знамя? Знамя есть священная хоругвь, которая.. На зубок знали. Тут тебе, говорю, не институт. Тут надо головой работать.

Егорка рассматривал его с любопытством. Семик махнул рукой.

— Да не в том дело. Ты, [illegible]ая, портреты царские видывала когда?

— Еще бы не видать. В волос[illegible]м их сколько понавешено было.

— Из себя какой царь-государь, Николай Романов, был — помнишь?

— А то нет. Рыжий, волосатый, курносый — на тебя похож.

— Похож,—взвизгнул Семик в восторге,— похож, говоришь?

— Ликом, как есть—он. Да, чай, и разумом не отстаешь: тоже, говорили, дурной был...

Егорка рассмеялся. Аксютка отогнала корову в сторону и поставила подойник. Семик погрозил ей в спину кулаком:

— Погляжу я, что ты скажешь, как я царем об'явлюсь.

— Ты?—удивился Егорка.

— Я.

— Царем?

— Царем.

Егорка покачал головой.

— Намнут тебе бока мужики.

— Мне? Руки коротки. Это чтобы наших мужиков деревенских да не обмануть. Теперь-то. После орла-то. Ликом я на царя похож. Смотр учинить — учиню. Енералов обругать — обругаю. Сколь я его на смотрах перевидел, Николая Романова — неужто царского обихода не сведу? Обману! Войска соберу! До казны доберусь, сцапаю миллион и пойду заграницы жить — жизнью пользоваться. Ищи там после ветра в поле. Ну, да не в том дело, ты-то со мной идешь?

Егорка оглядел Семиковы медали и сумку с недоумением. Аксютка отдоила корову и пошла к селу, хихикнув в лицо Семику:

— Ой, лодырь! Наслал тебя чорт на нашу деревню.

— А тебе что за печаль?

— Что же, весь век будешь побираться да по избам гостевать? От работы деревенской отвык — к ремеслу приспосабливайся. Шел бы вон к кузнецу в подручные.

— Нужда мне в подручные итти,— хихикнул Семик,— али солдат царский легкого труда не найдет?

Аксютка плюнула и ушла, не оглядываясь. Семик обернулся к Егорке.

— Хорошо тебе в подпасках. Пастух спит, а ты гоняйся за каждой коровенкой.

Егорка посмотрел на стадо.

— Нет, мне хорошо. Весело тут в поле — веселей, чем в деревне. Скучно мне станет — я песни пою. На просторе тут петь хорошо. Егорка помолчал, потом добавил застенчиво: я, Семик, стал сам песни складывать. Думаю о чем-нибудь, о том и пою... Маленько выходит...

— Голос тебе даден хороший,— перебил Семик,— с таким бы голосом тебе на парадах командовать. Может быть из-за голоса твоего я тебя и беру с собой. А то вон Марка Исаева взял бы, он лицом виднее твоего. Да и сирота ты,— уйдешь, никто не хватится, никто не спросит, куда подпасок делся. А ты тем временем настоящую жизнь увидишь...

— Я не пойду, Семик,—покачал головой Егорка,— да и тебе не ходить бы лучше.

— Тут небо коптить? Рыбу с тобой удить?

— Работать надо!

— Работать? Эх, Егорка! Уж не твой ли отец работник был? Председателем выбрали. А где он? Получил вознаграждение за работу — пулю в лоб.

— Ой, не говори так, Семик, не надо...

— То-то что не надо!—замолчал Семик.

Егорка отвернулся от него спрятать голубые слезы, блеснувшие на глазах. Семик достал из кармана расшитый кисет с табаком. Мальчик вздохнул и стал смотреть на дорогу, высушив слезы горячим солнечным теплом. По сиреневой пыльной дороге шла, мерцая красным платком, Аксютка, осторожно вытягивая руку с подойником, чтобы не плескать. Подойник новый, из белой жести, сверкал на солнце снопом света, и долго за девушкой следил Егорка по этому сверкающему свету, бежавшему солнечным зайчиком до самой околицы.

Егорка отогнал к стаду коров, ничего не ответив Семику. Семик догнал его внизу, у водопоя.

— Я спрашиваю, ты со мной идешь?

— Куда? — Егорка хлопнул бичом на плутавших коров, свистнул собаку. Та метнулась к коровам, загнала их к стаду и покорно вернулась к ногам пастуха.— Спасибо, дружок!— погладил он ее и оглянулся на Семика, крутившего цыгарку возле него, — ты в самом деле уходишь куда?

— Чудной ты, Егорка!— пыхая клубами дыма, заговорил тот.— От своего счастья кто же отказывается? Я царем об'явлюсь, а тебя своим сыном, наследником цесаревичем Алексеем Николаевичем об'явлю. Лета твои подходящие, потому как он росточку маленького был от болезненности. Как про орла слух по округе пройдет, так народ нам с первого слова поверит. Чем тебе подпаском быть, комаров кормить, по чужим домам ночевать шляться, так лучше за один раз жизнь в масленицу обернуть. Понял?

Егорка, усмехаясь, смотрел на Семика, но молчал.

— Ты про царское-то житье слыхал? А я-то уж знаю, перезнаю. С печеньями щи хлебают, с шоколадом кашу жрут, в киселе мармелад плавает. Кругом министры, сенаторы, енералы,—все по чинам, все по епархии...

— Это как?

— А так,—разгорячился Семик: солдату, скажем, обмундирование на два года полагается. Унтер — каждый год получает. Поручик—чин повыше—тот и к рождеству и к пасхе шьет. Полковник—каждый месяц новый заказывает. Енералы—так те каждую неделю новое шьют... У министра — что ни день, то и мундир другой... Фельдмаршал, скажем, так тот каждый час меняет.

— А царь?

— Царь!— пыхнул дымом в лицо Семик,— царь! А царь, милый, только и знает: скидовает—надевает! Скидовает — надевает! Вот — царь!

Семик размахнул руками, точно скидал мундир, Егорка посмотрел на этот жест, поверил, покачал головой, сказал задумчиво:

— За такие дела по шее бы дать хорошенько!

— По шее! — передразнил Семик, — тут, милый, чины, епархия! Вот какой жизни предел нам положен! Ну, идешь со мной, значит?

— Народ обманывать?

— Что тебе до народу-то?

— Я правду люблю, Семик! — тихонечко сказал Егорка и почувствовал, как забились в шраме у него живчики и задергались веки глаз, — я по правде жить буду. Мне отец так велел.

Семик сплюнул на цыгарку, посмотрел на розовые веснушки, запятнавшие Егоркино личико, спросил едко:

— Погладили по головке твоего отца за это?

Веки у Егорки затрепетали, как пойманные. Он сжал кулаки, закусил губы и вдруг взвизгнул:

— Не говори так, Семик, не говори!

— Что это, правды не говорить?

— Не смей!

Маленький пастух стал страшен. Семик отодвинулся от него. Егорка упал на песок, закрыл лицо руками. Плечи его тряслись от рыданий, как в страшном сне. Семик подождал, когда он затих, спросил нетерпеливо:

— Ну, идешь со мной?

Егорка ничего не ответил. Семик постоял над ним, потом решительно плюнул в сторону:

— Тьфу, припадочный!

Он боязливо оглянулся на вскочившего паренька и торопливо пошел прочь.

Егорка сбежал к озеру, захватил пригоршнями воду, выкупал лицо, облил голову и тогда вздохнул во всю грудь. Рыжая собачонка его, привстав на задние ноги, ласково лизнула его в мокрую щеку и навскачь пустилась по выгону за камолой Аксюткиной коровой, тихонько уходившей в овсы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗНАХАРИ

По исконному обычаю пастухи общественного стада в Черном Яру получали продовольствие от общества. Делалось это просто: пастухи по очереди у каждого владельца коровы ужинали, ночевали, а утром брали с собой в поле завтрак.

Вечером в тот день Егорка ужинал у Ненилы.

Бабушка Ненила слыла знахаркой, чуть не колдуньей.

Знала она все приметы, умела читать заговоры, гадала на картах, на воде на гуще, знала средства от порчи и болезней.

В обиходной жизни своей делала она к тому же все необычно. Остригая ногти на пальцах, складывала и хранила всегда при себе обрезки, чтобы, как она об'яснила, было чем влезть в царство небесное на Сионскую гору. Против сердца она носила две иглы крест на крест, которые охраняли ее от порчи. В избе хранила землицу с семи могил добрых людей, которая спасала ее от всех бед. Ела заплесневелый хлеб, чтобы хорошо плавать и не бояться грозы. От мора и болезней каждую весну, раздевшись до-нага, опахивала она на себе сохою весь свой двор. До зари она никогда не заглядывала в окно. После заката солнца не начинала нового хлеба, чтобы нищета не одолела. На ночь всегда она подпахивала веником избу, чтобы было чисто ангелам прохаживаться.

Знала она такое множество причудливых примет и обычаев, что мужики не только дивились, но и уважали Ненилу. К ней ходили ворожить, отгадывать сны, заговаривать зубную боль и кровотечение. За услуги несли ей всякие дары и, оставшись давно уже одна-одинешенька, жила она безбедно.

У Ненилы Егорка ночевал в избе. Он разглядывал травы на стенках, присматривался к знахарскому обиходу, удивлялся и спрашивал:



— Из себя какой царь-государь, Николай Романов, был, помнишь?

— Травы зачем у тебя, бабушка?

— Петров крест и адамова трава от всех скорбей. Разрыв-трава — клады показывает.

— Когда ты, бабушка, ворожить стала?

— Да когда хлеба не стало, — усмехалась она.

Приглядевшись к обычаям ее, усмехнулся и он:

— А тяжело тебе, бабушка Ненила?

— С чего же, милый?

— Да вот все помнить, делать да с собой носить. И с обрезками мешок, и иголки, и землица — все за пазухой. Мешают, чай, бабушка?

Ненила посмотрела на мальчишку и головой покачала:

— А весь ты в отца пошел, Егорка: дерзкий, и оба по-своему жить хотите. Вот ноги под лавкой качаешь — чорта тешишь. Нож на столе оставил, а лукавый ночью зарежет.

Егорка засмеялся.

— Мне отец наказывал одно знать, что ни бога, ни чорта нет. Я их не боюсь, бабушка, а тебя, по правде, мне жалко: наделала ты себе хлопот да забот столько, что со всем и не справишься. Вон, гляди, пряслица на стол положила — значит, сорок грехов нажила.

Бабушка только ахнула:

— Ай, в самом деле на стол! Не ты ли положил, охальник?

Егорка, смеясь, покачал головой. Ненила убрала пряслица, закрестилась, зачитала молитвы. Егорка оставил ее в углу, полез на полати, расстелил полушубок и задремал. Ненила клала земной поклон за каждый — из сорока — грех, положенный ей за пряслица.

Но домолиться ей не удалось. Снаружи в закрытый ставень, потом тут же в калитку кто-то постучал сердито и резко. Егорка прислушался. Ненила торопливо пошла открыть дверь.

Вернулась она с чернобородым мужиком, скрипевшим новенькими ялоными сапогами. Егорка узнал председателя сельсовета и удивился — зачем бы ему приходить к Нениле?

Ненила кланялась низко, усаживала почетного гостя в передний угол, говорила скороговоркой, точно читала заговор:

— Здравствуй, Иван Петрович, здравствуй, товарищ Доронин, не знаю уж как тебя величать, чем угостить, чем приветить?.. Шапку на стол не клади, милый, деньги водиться не станут.

Иван Петрович убрал шапку со стола, вытянул ноги, любуясь новыми сапогами:

— Здравствуй, Ненила! Величай по-человечьему — Иваном Петровичем, я тут тебе не начальник, а с просьбой...

— Чем, батюшка, служить тебе? Не играй ножом, христа ради, ссора будет!

Иван Петрович покорно отложил и нож, как шапку. Он вынул кошелек, долго звенел деньгами потом достал полтинник и бросил его на стол:

— Возьми-ка, бабушка Ненила, прибери!

— Приберу, батюшка, Иван Петрович, приберу!

— А мне, бабушка, поворожи-ка: кто такой мне по деревне смуту пустил?

— Какую смуту, батюшка?

— Не знаешь, что ли? Все иконы понавешали на ворота — не добьюсь толком только для чего. Одни царя ждут, другие — будто от какого-то мертвеца прячутся. Скажи-ка мне, кто смуту пустил?

— Откуда же мне знать, батюшка?



— Кто же это такой?—прищурился Иван Петрович

— Не ты скажешь — карты скажут. Раскинь-ка, бабушка Ненила! Что-то у меня бровь чешется — это к чему?

— Какая бровь, Иван Петрович, — говорила Ненила, приготовляя стол для карт,— какая бровь: правая бровь чешется — к свиданию с другом, левая — с лицемером.

— Левая, — угрюмо вздохнул Иван Петрович,—левая! Кругом обманывают— верно! С кем ни говорю, и вижу—за пазухой камень держит. За спиной у власти шепчутся... Кто обо мне шептал,—крикнул он вдруг, стукнув кулаком по столу,— кто про меня дознавался в городе? Откуда пошло?

Ненила отступила от стола, бросив карты и крестясь.

— Ой, батюшка, что ты? Сохрани, господи, и помилуй от гнева твоего! Что ты на меня, старуху, кричишь!

Доронин притих, спросил жалобно:

— Ты скажи—кто шепчется? Откуда мне беды ждать? Кто против меня зуб точит?

— Да откуда же мне знать, батюшка?

— В воду гляди! В воду гляди — кто такой...

Он снял золотое кольцо с пальца и положил перед старухой. Шепча заговорные слова, она налила воды в стакан, бросила на дно кольцо и, прищурившись, стала смотреть в воду.

— Ну, что там? Кого видишь?

Ненила, видимо, растерялась. Она вертела стакан перед светом и бормотала:

— Ой, батюшка, никак не пойму: вижу, да не разберу...

— Разбирай, старуха!

Доронин вытянулся через стол, дрожа от любопытства, смотрел в воду и, ничего не видя, шипел Ненеле:

— Ну, разбирай, старая ...вее! Еще полтинник накину!

Ненила вздохнула:

— Не пойму: ни мужик, ни баба, волос длинный, а с лица—и усы и борода. Кафтан не кафтан, платье не платье, а под одежой штаны городские.

Егорка сполз с полатей так, что едва держался на животе. Он смотрел на Ненилу и дивился хитрой старухе.

«Не выдаст,— думал он,— ишь как плетет. Запутает! Ай, да Ненила!»

Он усмехнулся беззвучно, но тут же вытаращил глаза на председателя. Тот с торжеством отодвинулся от ворожеи и захохотал так громко, что Ненила опять в испуге отскочила от стола.

— Ты что, батюшка, попритчилось, что-ли, тебе что?

Доронин передохнул:

— Попались, голубчики!

— Неужто угадал, кто такой?— недоумевая спросила Ненила,— а мне и самой не понять. Видеть вижу, а признать не умею... А кто это, батюшка мой?

— Поп наш!

Доронин подпер руками бока и засмеялся не тише прежнего. Ненила спохватилась было, но поздно, Доронин не слушал ее.

— Да ты подумай хорошенько,—увещевала она,— самой не разобрать.

— А мне очень понятно: волос, как у бабы, а с лица—усы. Баба не баба, мужик не мужик, кафтан не кафтан, а штаны.

Иван Петрович хлопнул себя по лбу широкой ладонью:

— Да и племянник в городе служит! Понял, все понял — лови рубль, старая!

Ненила нехотя приняла рублевку. Егорка зажал рукой рот и, давясь от смеха, подался назад. Доронин сказал твердо:

— Ну, теперь карты разложи! Или опять на воду лучше! Смуту кто пустил— дознайся-ка?

— Теперь уж на карты. Вода два раза не скажет,— проворчала она и, собрав колоду, начала ее тасовать с ловкостью и проворством привычного игрока,— да ты, Иван Петрович, не ошибся ли, дорогой?

— Раскладывай карты!—крикнул он,— говори, кто смуту пустил!

— Тише, тише, батюшка!— заторопилась она,— помолчи! Ну, батюшка, раскладываю карты...

Иван Петрович затих. Ненила подула на карты:

— Ни днем, ни вечером, ни ночью, ни по вечерней заре, ни по утренней, ни в обыден карты мои не солгите. На новце, на ветху, на перекрое и в полный месяц правду скажите, кто есть тот человек, что на деревню смуту пустил?...

Егорка снова высунул голову с полатей, подумал:

«Как же это ты, бабушка, сама себя откроешь?»

Ненила же, пошептав, подув, разложила карты, подперла сморщенное свое личико острым пальчиком и покачала головой:

— Старые пророки померли, а новые правды не сказывают.

Иван Петрович нахмурился:

— Пусть сказывают, бабушка!

— Сказывают уж, сказывают, Иван Петрович: вижу—есть такой, волосами брунет, борода лопатой, нос широкий, картуз на нем городской. Вот он, как есть!

Ненила стасовала карты и сложила руки на груди.

— Кто же это такой,— прищурился Иван Петрович,— на Софронова только и кажет, а?

— Не знаю, батюшка, не знаю. Как карты говорят, так и я. Зайди завтра утречком, а я на ночь в головы гребень положу — может, узнаю еще что.

— Ну что же, зайду!

— Зайди, зайди, батюшка!

Иван Петрович встал, поблагодарил и улыбнулся довольно — нашел виноватого. Ненила проводила его с поклонами и в сенях, слышал Егорка, кричала еще:

— Не шагай через коромысло, батюшка, корча потянет... Дай я уберу...

Вернулась она с крестами и улыбками, шепча в дверях вслед ушедшему:

— Коли ты спроста, и я спроста, коли ты с хитрости, и я с хитрости! Тьфу!

Егорка свесил голову с полатей:

— И не стыдно тебе, бабушка, а?

Ненила отшатнулась прочь:

— Чур меня, чур меня и чурочков моих! Ты что, внученочек? Приснилось тебе что-нибудь?

— Приснилось, бабушка, привиделось, как ты председателю голову морочила. Плела, не зная на кого, а угодила на попа. С попом у них свои счеты — распутаются, а Софронова к чему вплела?

Ненила крестилась, шептала, махала ладошками, как-будто заговаривала и колдовала:

— Ох, ты, горе мое! Из ума у меня вон, что ты тут, окаянный! И что тебе не спится, что ты не в свое дело нос суешь?

Егорка сел на полатях, свесив босые ноги, и глядел на ворожею с жалостью:

— Ты бы ему сказала лучше, кто с лесником лес ворует да на сторону продает. Ты бы ему наворожила, как его к ответу потянут, что от описи пашню свою скрыл. Ты бы ему, бабушка, через воду наглядела, кто самогон варит, да кто

пьет. А ты за рублевку людей продаешь. Брешешь, на кого и сама не знаешь. Что тебе Софрон сделал?

Ненила стояла с круглыми от страха и удивления глазами. Только когда, разгорячившись, замолчал Егорка на секунду перевести дыхание, она вступила в разговор:

— А ты что меня учишь, окаянный? Ты что за защитник всех выискался? Ты против карты спорить хочешь? Да тебя громом завтра же по одному моему слову пришибет! Да я на тебя порчу пущу, так что ты свету не взвидишь! Да я тебя в порошок иссушу и по ветру раздую!

Егорка поболтал ногами, улыбаясь ее гневу. Ненила же, рассыпавшись словами, утихала по мере того, как высыхала у нее брань на губах. Выбранившись, она посмотрела на Егорку победоносно:

— Ну что? Спи сейчас же, да помалкивай ты, леший!

— Зачем ты на хорошего человека наклепала ему — он ворожбе верит, а?

— Кому вынется, тому сбудется, хорошему не минуется, а ты молчи, щенок!

Егорка покачал головой:

— Не буду молчать я, бабка, не буду! Помни ты слово мое, я тебя на свежую воду выведу вместе с председателем!

Мальчишка пристукнул кулаком и лег, не отвечая на брань. Старуха под полатями прочитала наскоро заговор и успокоилась: должен был все Егорка забыть от тех заговорных слов.

Егорка их не слышал. Он лежал с открытыми глазами, смотрел в низкий потолок, по которому, прячась от света и малейшего шороха, ползали вороватые тараканы, думал свое.

Было в мужицких избах тесно, грязно и скучно. Не веселее было и на улицах: в сумерки подолгу засиживали крестьяне на завалинках, говорили обо всем и не было простору в их речах—один говорил и пугал другого тысячью грозящих бед: то сад поздно зацвел, значит к смерти хозяина; то петух головой трясет — быть беде в доме; то ласточка влетит в окно—к покойнику.

Днями Егорка бродил за стадом по лугам, по степным просторам, дышал полной грудью, видел солнце и небо, слушал жаворонков и перепелов. Возвращался в деревню он с песнею, смеялся сумрачным деревенским улицам и хотел одного: так запеть, чтобы стало у всех на душе светлее, чем в поле под солнечным небом и просторнее, чем в приволжской степи.

Ничем больше помочь мужикам Егорка не мог.

Он вздохнул, повернулся на бок. Откуда-то с улицы, проникая в плотно прикрытые окна, несся протяжный собачий вой.

Ненила приподнялась на скамейке, прислушалась, потом торопливо перевернула под головой подушку, сказала: «на свою голову» и опять легла.

Собака же продолжала стонать.

Ненила ворочалась, прислушиваясь. Наконец, не вытерпела, накинула полушубок и выбежала на улицу.

— Что там?—спросил Егорка, когда она вернулась,—что случилось, бабушка?

— Ничего!

— Зачем ты выходила?

Старуха развела руками:

— Это как же мне не выйти, раз собака воет? Я подушку перевернула, она не унялась. Значит, неспроста. Надо было поглядеть—вверх она воет или к земле?

— Не все равно?

— Как же это все равно? Коли вверх — так к пожару, коли к земле — так к покойнику.

Егорка заглянул с полатей вниз, дивясь хлопотливой старушке:

— Ну, бабушка Ненила, и забот тебе!

Она посмотрела на него, уловила в темноте лукавый смешок и огрызнулась:

—Лежи, леший!

—Лежу и так.—Егорка, пряча смех, спросил, — ну, а эта к покойнику или к пожару воет?

Старуха оживилась мгновенно:

— К пожару, к пожару! И косит на Коршуновых, ох не у них ли?

Егорка хихикнул, Ненила обиженно замолчала.

Егорка лежал под душным потолком и думал о своем. В поле со стадом, урывками на Волге с удочкой было веселее, привольнее и проще. Здесь же и без того тесных избах, сумрачных душах, опутывали себя люди таким множеством всяких страхов, что дышать было трудно и смеяться нелегко.

(*Продолжение следует*)



— И не стыдно тебе, бабушка, а?

Оригинальн. рис худ. И. Дубасова.



Крестьянин ходок Путинцев у В. И. Ленина

А. Ситковский

СЫН ИЛЬИЧА

Он был никому не нужен
Маленький жизни ком,
На кухню в обед и ужин
Приходил и скулил щенком:
    — Дяденька, дай покушать,
    Дяденька, малость дай! —
    Этот стон пробуравил уши,
    Этот стон не забыть никогда.
— Ну, байстрюк, подавай котелок-то,
Я налью тебе теплых щей,
Ишь, какие костлявые локти,
Прям как-будто бы ты из мощей.
    А потом вот на ротном собрании
    Был поставлен о Петьке вопрос.
    Каждым словом был каждый ранен.
    Ну, а вывод был ясен и прост.
— Не в обузу для роты парнишка,
Прокормить, чай, сумеем семьей.
И зачислили Петю в сынишки
В этот вечер при роте восьмой.
    Смастерили шинель и ботинки
    Дали шлем и армейца звезду
    И растаяли горя льдинки
    И Петрунь позабыл пр[illegible] нужду.
Дни ушли.
И опавшими листьями
Ветер-дворник дорог[illegible] подмел.
И однажды вот П[illegible]я „выстрелил“:
— Я желаю п[illegible]я в комсомол!
    И тепе[illegible] не узнаешь Петю,
    По[illegible]л паренек политчас,
    Г[illegible]вой—не изношенной сетью
    [illegible]вит мудрость из книг Ильича.

У руля нашей советской родины стоит Ленинская Коммунистическая Партия. Твердой рукой она ведет СССР к новым достижениям, стальной волей преодолевает препятствия, стоящие на пути строительства социализма.

Время, протекшее от 13-го С'езда РКП, весной 1924 г., до 14-го С'езда ныне ВКП(б) (Всесоюзной) было временем стремительного роста производства нашей страны, крупных успехов во всех областях ее жизни. Мы уже перестали говорить о том, как бы достигнуть довоенного уровня производства, подорванного войной и революцией. В нынешнем году мы уже перешагнем эту границу, чтобы итти дальше.

В наглядной карте, которая перед читателем, мы отметили некоторые главнейшие (далеко не все) из достижений СССР, завоеванных под руководством нашей партии.

ВЫРОСЛО НАШЕ ПРОИЗВОДСТВО

Поглядите на рудники Урала, царства **железа**. Добыча железа по всему СССР (на карте повсюду указаны цифры производства по всей стране, а не только данного района) возросла больше, чем в два раза.

Возле Баку высятся нефтяные вышки. Цифры возле них показывают, что добыча **нефти** возросла почти на одну пятую.

Возьмем выплавку **чугуна.** На карте цифры указаны у Екатеринослава, крупного центра литейного производства. Вместо 60-ти миллионов пудов выплавлено 102 миллиона—на две трети больше.

Вот Донбасс — царство **угля**. Мы добыли его в этом году в полтора раза больше, чем в прошлом.

Цифры возле головы **сахару**, высящейся у берегов Днепра, показывают, что производство сахара выросло на целых две трети.

В родине **хлопка**, Туркестане, вы видите, как его добыча увеличилась больше, чем в два раза.

Мануфактуры мы выработали больше на одну седьмую, чем раньше.

УКРЕПИЛОСЬ КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Под'ем коснулся и крестьянства. **Урожай хлеба** вырос больше, чем на одну треть по сравнению с прошлым годом.

Это дало нам возможность **вывести сельско-хозяйственных продуктов** почти в три раза больше, чем в прошлом году.

Увеличился **и вывоз леса** больше, чем на одну треть.

ОСНОВАНЫ НОВЫЕ ПРОИЗВОДСТВА

Целый ряд предметов производства Россия всегда была вынуждена ввозить из-за границы. Понемногу мы начинаем освобождаться от этой зависимости. За этот промежуток времени мы построили **первый советский автомобиль** (грузовик на московском заводе «А[illegible]»), выпустили в продажу **первые советские тракторы.** Впервые построены пароходы-лесовозы (в Ленинграде).



УСПЕХИ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ

Один из главных заветов Ленина—превращение нашей советской родины из бедной, отсталой страны в богатую, путем электрификации. И вот — **закончена постройка Шатурской электростанции, на 80%** закончены работы на **Волховстрое, начата** постройка **Земо-Авчальской станции** (в Грузии).

УСПЕХИ НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Укрупнена **Белоруссия**: к ней присоединены Витебская, часть Гомельской губернии, населенной белоруссами. На месте Туркестана, Хорезма и Бухары основаны национальные **Узбекская и Туркменская** (с автономными Кара-Калпакской и Таджикской республиками) Социалистические Советские Республики. На Украине выделена автономная **Молдавская** республика.

НАС ПРИЗНАЛИ

за это время две крупнейших державы **Франция и Япония.** Но еще важнее для нас то, что к нам приехал ряд **делегаций рабочих и рабочей молодежи** (Англии, Германии, Франции, Бельгии, Швеции), которые повели у себя на родине горячую кампанию против потока лживых сообщений, которыми буржуазная печать пытается скрыть перед рабочими Запада завоевания рабочих и крестьян СССР.

СВЯЗЬ С ВОСТОКОМ

в частности с Китаем мы укрепили нашим героическим **перелетом в Китай**, сделанным отчасти на **самолетах советского производства**.

ВЫРОСЛО ТРЕТЬЕ ЛЕНИНСКОЕ ПОКОЛЕНИЕ

13-й С'езд торжественно назвал пионер организацию именем Ленина. За это время число юных пионеров возросло с 180-ти тысяч до 1.700.000.

В. Бонч-Бруевич *Рис. худ. Дубасова*

Нападение бандитов на В. И. ЛЕНИНА в 1919 г.

(По личным воспоминаниям)





В конце декабря Владимиру Ильичу захотелось принять участие в детском празднике, устраивавшемся в Лесной школе (в Сокольниках).

Решили поехать туда около 4-5 часов дня, в разное время, чтобы не очень обращать внимание автомобилями. Владимир Ильич вместе с Марией Ильиничной должен был поехать позднее меня.

Я выехал часа в три с половиной. Проезжая возле моста около Рязанского вокзала мне не понравилось, что здесь кто-то пронзительно свистнул, и на этот свист сейчас же раздался, как бы откликнулся, другой такой же свисток где-то там дальше. Проехав вокзалы и выехав далее по улице, слышу, опять раздался такой же свисток. Мне показалось это подозрительным, точно передавали автомобиль от поста к посту, и я, приехав в Сокольники, позвонил в гараж и справился, — выехала ли машина Гиля, — бессменного шоффера Владимира Ильича. Получив ответ, что машина ушла не менее получаса тому назад, я понял, что предупредить на всякий случай об изменении пути — не удастся. Я позвонил на квартиру Владимира Ильича и оттуда получил ответ, что Владимир Ильич уже прехал.

Для меня стало ясно, что Владимир Ильич вот-вот должен был неехать.

Однако, прошло еще полчаса, а Владимира Ильича — все не было. Надежда Константиновна, находившаяся внизу среди детей, сказала мне:

— Что-то Владимир запаздывает, а детишки не хотят начинать петь песни без него. «Подождем дядю», — говорят они.

Нас усиленно угощали чаем с вареньем, но какое-то сомнение закрадывалось в душу. Владимир Ильич всегда был крайне аккуратен во времени, и должны были быть особые обстоятельства, которые могли бы задержать его. Я позвонил на всякий случай в Совнарком, — там его не оказалось.

Уличные свистки все время стояли в ушах. Я решил выйти незаметно и поехать навстречу по пути следования Владимира Ильича и стал отыскивать шоффера, как вдруг увидел входящего Владимира Ильича и Марию Ильиничну. Он поздоровался и тихо сказал мне:

— На нас напали какие-то хулиганы с револьверами и отняли машину, я приехал на чужой...

Я буквально похолодел.

— Где? — спросил я.

Владимир Ильич, не знавший названий улиц, описал мне место встречи с хулиганами, и оно приблизительно было там, где я слышал свистки.

— И мы-то хороши! Все вооружены, а машину отдали... — полусмеясь, сказал Владимир Ильич.

— И револьверы отняли!.. — продолжал смеяться Владимир Ильич.

Выяснилось, что «хулиганы» были вооружены с ног до головы, и что Владимир Ильич стоял под угрозой двух револьверов, направленных в виски...

Я чувствовал, что меня одолевают мурашки, нервная дрожь распространяется по всему телу. Я ощущал, какой ужасной



опасности подвергался наш Владимир Ильич...

Телефон находился в столовой. Дети кончали пить чай. Я попросил руководительниц поскорее увести детишек, говоря, что получил важные сообщения, по которым должен послать телефонограммы.

Долго тянулись эти несколько минут. Я ясно видел, как шайка бандитов, — именно бандитов, ибо если бы это были не бандиты, а белогвардейцы, они, конечно, застрелили бы Владимира Ильича и воспользовались бы машиной для бегства, — нападает на автомобиль, останавливает его, высаживает Владимира Ильича, держит под выстрелами и исчезает на его машине.

— ВЧК — кабинет Дзержинского...

Я подробно рассказал ему все, что знал о нападении и предложил дать распоряжение о тщательной проверке по пропускам всех автомобилей, проезжающих по городу, и, самое главное, бросить чекистов по кольцу трамвая на автомобилях против хода отнятой машины Владимира Ильича и на всякий случай вдогонку, так как при трудных обстоятельствах бандиты могли двинуться по рельсам задним ходом, тем более, что один из них, по словам Гиля, должен был быть очень опытным шоффером, так ловко сел он за руль и двинул машину на полном ходу.

Как всегда спокойно, без малейшей суеты, обменявшись мыслями, тов. Дзержинский сказал мне, что он уже кое-что знает от Петерса, говорившего по телефону с Владимиром Ильичем, что некоторые меры им уже приняты.

В несколько минут он поставил весь свой аппарат на ноги. Работа закипела, погоня тотчас же организована и немедленно двинулась в путь, розыски по всему городу начаты...

Владимир Ильич сошел сверху вместе с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной. Детишки окружили его и наперебой задавали вопросы, спрашивали, во что лучше играть, что петь.

Владимир Ильич совершенно углубился в дело детского праздника и успевал каждому ответить, бросить шутку, задать встречный вопрос. Дети становились развязней, смелей, и веселье закипело. Дружный смех и шутки переливались по залу.

Пользуясь случаем, я познакомил Марию Ильиничну со всеми принятыми мерами, и она рассказала мне подробности нападения.

— Ужасно было смотреть, — добавила она, — когда на Владимира Ильич направили два дула револьверов, приставив

к обоим вискам. А он хоть что: стоит и не дрогнет, лицо не переменилось, как будто бы ничего не случилось...

За пением последовали игры. Владимир Ильич принимал в них самое живейшее участие.

Наконец, детям роздали подарки, и мы пошли пить чай, после которого решили ехать домой.

По пути нас всюду останавливали патрули и тщательно проверяли пропуск автомобиля. Через десять минут мы в'езжали в Кремль.

— 24 декабря, — рассказывал мне потом шоффер т. Гиль, — Владимир Ильич позвонил мне по телефону около четырех часов, чтобы подать ему машину.

Зима в тот год была снежная. Снега с дорог совсем не убирали, и более или менее быстро можно было ехать только по линии трамвая. Вскоре на улице стало совсем темно, так как город совершенно не освещался. Нам это было не страшно, потому что освещение у автомобиля было превосходное. Мы ехали со скоростью 40-45 верст в час и быстро проехали Лубянскую площадь, Мясницкую улицу. Пересекли Садовую и стали под'езжать к ночлежному дому. Мне был виден каждый человек и под сильным освещением машины отчетливо видны даже все идущие по тротуару. Я заметил трех, шедших по одному направлению с нами. Наша машина почти поравнялась с ними. Вдруг один из них быстро подбежал к машине с боку и кричит: «Стойте!» В руке у него револьвер. Я сразу сообразил, что это не патруль. Вижу он в шинели, а винтовки у него нет. Это бросилось мне в глаза — патруль всегда с винтовками и револьверов не вынимает. Я быстро переключил скорость и сразу прибавил ходу, не обращая внимания, что здесь крутой поворот, я знал, что с машиной справлюсь. Сзади что-то кричат. Я был уверен, что это бандиты и стрелять они зря не будут. Так и вышло. Ни одного выстрела по нас они не сделали. Владимир Ильич стучит в окно, спрашивает:

— В чем дело? Нам что-то кричали...

— Да, это пьяные, — отвечаю я ему.

Миновали мы Николаевский вокзал. Едем по улице, которая идет к Сокольникам. Тьма — хоть глаз выколи. Но нам далеко и хорошо все видно. Я ехал по рельсам трамвая довольно быстро. Вдруг, немного не доезжая пивного завода бывшего Калинкина, впереди машины, за несколько саженей выбегают трое вооруженных револьверами Маузера и кричат «Стой!» Я на этот раз немного замедлил ход и говорю моему помощнику Чубарову:

— Ну, Ванька, попали мы к бандитам.

— Да, говорит он. Это не патруль. Вот я уже близко совсем от них.

Я быстро решил не останавливаться, а проскочить, что есть духу, между них. В этот момент, когда оставалось до бандитов несколько шагов, я мгновенно увеличил скорость и прямо бросил машину на них. Они, к сожалению, успели отскочить и стали кричать нам вслед:

— Стой! Стой!.. Стрелять будем!..

Дорога на этом месте идет под уклон и я быстро успел взять разгон, но вот Владимир Ильич стучит в окно. Я как-будто и не слышу и продолжаю гнать машину. Тогда Владимир Ильич стучит гораздо сильнее. Я убавляю ход. Владимир Ильич открывает дверцу и говорит:

— Товарищ Гиль, надо остановиться и узнать, что им надо. Может быть, это патруль?

Мы здесь уже ехали тихонько. Сзади нас слышу бегут те трое и продолжают кричать:

— Стой!.. Стрелять будем!..

— Ну вот, видите, — говорит Владимир Ильич, — надо остановиться.

Я нехотя стал тормозить машину. Смотрю вперед, — вижу за железнодорожным мостом горит яркий фонарь и там стоит часовой. Это районный Совет. Меня опять взяло сомнение.

— Как это я сперва подумал, что это бандиты. Наверное, это кричит патруль; ведь, совсем рядом с Советом, — сказал я товарищу Чубарову.

Он оглянулся и говорит мне:

— К нам бегут четверо человек и они совсем близко.

В это время подбегают к машине несколько человек, резко открывают дверцы автомобиля и еще резче, не говорят, а кричат:

— Выходи!

— В чем дело, товарищи? — спросил Владимир Ильич.

— Не разговаривать! Выходи, говорят!..

И один из них, громадный, выше всех ростом, схватил Владимира Ильича за рукав и резко, сильно потянул его из автомобиля, грубо говоря:

— Живей выходи!

Как оказалось после — это был главарь, по прозвищу Кошелек.

Владимира Ильича буквально вытащили за рукава. Он сделал шага два к передку машины и остановился против меня, все время говоря:

— Что вам нужно?

Мария Ильинична быстро вышла за Владимиром Ильичем и, обращаясь к бандитам, говорит:

— Что вы делаете? Как вы смеете так обращаться?

На нее бандиты не обратили никакого внимания.

Чубарова тоже дернули за руки, с криком:

— Выходи!..

Я смотрю на Владимира Ильича. Он стоит, держа в руках пропуск. По бокам него стоят бандиты и оба, целясь в голову, говорят:

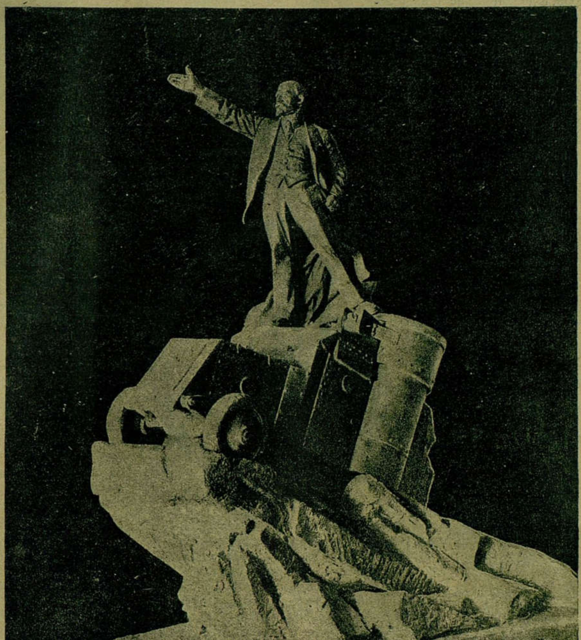
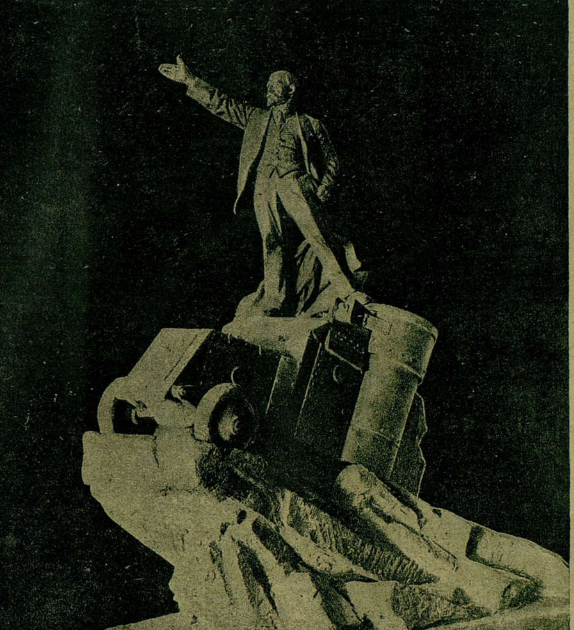
— Не шевелись!

Против Владимира Ильича стоит главарь.

— Что вы делаете, — говорит Владимир Ильич, — это недоразумение. Я — Ленин. Вот мой документ.

Как сказал это Владимир Ильич, — так у меня сердце замерло. — Ну, думаю, погиб Владимир Ильич.

— Нам все равно кто ты!.. Молчать!.. Не разговаривать!.. — закричал на него грубым голосом главарь, вырывая из рук Владимира Ильича пропуск и кладя его в карман, даже не посмотрев на него.

В. И. Ленин на броневике Скульптура

Затем он схватил за лацканы пальто Владимира Ильича и очень резко дернул, почти отрывая пуговицы, и лезет в боковой карман Владимира Ильича. Вынимает оттуда браунинг, бумажник и все это также кладет себе в карман.

Мария Ильинична возмущенно продолжает протестовать, но на это никто из бандитов не обращает никакого внимания. Чубаров тоже стоит под дулом. Я все это вижу. Про меня как-будто бы забыли. Сижу за рулем, мотор работает. Держу наган и из-под левой руки целюсь в ближайшего, то-есть как раз в главаря— он от меня в двух шагах. Дверца переднего сидения открыта. Промаху быть не может... но Владимир Ильич стоит под двумя дулами революльверов, и делается мне страшно. Как молния озаряет мысль:

— Нельзя... Стрелять нельзя... Сейчас, после моего выстрела Владимира Ильича уложат первого на месте.

И я решил выйти из автомобиля, но не успел пошевелиться, как вдруг получил удар в висок дулом револьвера, раздался сильный окрик:

— Выходи! Чего сидишь...

Я быстро сунул наган за спинку, за подушку: авось, не найдут! — подумал я, и не успел встать я на подножку, как на мое место ловко сел шоффер-бандит. На нас двое навели револьверы и кричат:

— Стоять! Не шевелиться!..

А в это время четверо быстро сели внутрь автомобиля, один вскочил рядом с шоффером и, целясь в нас из револьвера, быстро тронули машину и понеслись с самой большой скоростью по направлению к Сокольникам.

Прошла длительная минута молчания.

— Да, ловко, — первый прошептал Владимир Ильич.

— Вооруженные люди и отдали машину. Стыдно!

— Об этом, Владимир Ильич, поговорим после, — сказал я ему в ответ, — а сейчас нам нужно поскорей итти в Совет.

В это время видим огни автомобиля, идущего к нам навстречу.

— Оружие у вас у обоих отобрали?— спросил Владимир Ильич.

— Нет, — отвечаю. Чубаров как-то ухитрился спрятать, а у меня не нашли браунинга.

— Ну, тогда остановите эту машину и поезжайте догонять.

Я дал подойти машине поближе. Вышел на середину и стал останавливать. Шоффер растерялся, увидав направленные на него револьверы и застопорил машину так, что ее никак нельзя было завести. Оказалось санитарка (санитарный автомобиль).



— Ничего из этого не выйдет, — сказал я Владимиру Ильичу.

— Почему?

— Потому что моя машина, — отвечаю я ему, — в три раза сильнее, а также горючее — хорошее, а в этой самый скверный газолин. Мы их никогда не догоним. А наша машина не пропадет. Часа через 3-4 будет взята.

— Почему это вы так уверенно говорите? — спросил меня Владимир Ильич и пристально посмотрел.

— Потому что, — отвечаю я Владимиру Ильичу, — дороги совершенно не проезжие. За город им не уехать, когда в городе только и можно что ездить лишь по рельсам трамвая. А в городе машина очень заметна.

— Ну, посмотрим, — отвечает Владимир Ильич. И мы направились все в Совет. Опять беда. Часовой не пускает Владимира Ильича.

— Я—товарищ Ленин,—говорит Владимир Ильич, — хотя доказать вам это сейчас не могу, так как мы ехали в автомобиле, нас остановили, высадили и машину угнали. а также взяли и мой бумажник со всеми документами и мой пропуск.



Долго колебался часовой, но, наконец, он нас пропустил в Совет. Входим. В Совете, по случаю праздника, ни души. Кое как разыскали дежурного телефониста. Об'ясняю я ему, в чем дело. Он не верит.

— Слушайте, товарищ, вызывайте председателя, — наконец, говорю я ему. — Его нет, кого хотите — мы отвечаем за все. Дело серьезное...

Дежурный телефонист переминается с ноги на ногу и не знает, как ему поступить. Дело, видно, уже очень необычное; никак поверить он не может, что так все случилось, как мы говорили, почти у самых ворот Совета.

В это время вошел какой-то товарищ. Оказался это председатель Совета. Владимира Ильича он, видимо, не знал и смотрит на него удивленно.

Владимир Ильич называет себя.

Вошедший что-то отвечает Владимиру Ильичу и буквально убегает из комнаты. Сейчас же подымается суматоха. Товарищ председатель опять быстро входит к нам и, обращаясь к Владимиру Ильичу, говорит, что все меры будут немедленно приняты для погони.

— Поздновато, — улыбаясь, говорит Владимир Ильич.

В это время пришли вызванные мной машины из автобазы Совнаркома. Я провожаю Владимира Ильича до автомобиля.

— А вы, товарищ Гиль, отправляйтесь на розыски машины, — говорит, улыбаясь, мне Владимир Ильич. — Без машины не являйтесь домой.

Я с Владимиром Ильичем отправил Чубарова, и он повез Владимира Ильича к Надежде Константиновне. Сам же я с товарищами из автобазы отправились по следам моей машины. Доехав до Бахрушинской больницы, мы встретили автомобиль, ехавший нам навстречу с вооруженными красноармейцами, которые сказали, что дальше ехать не стоит, так как они были везде там и никакой машины не встретили, и что лучше всего нам ехать в центр города.

Мы поехали по бульварному кольцу. Нас часто стали останавливать патрули. По всему городу была поднята тревога. Были всюду посланы конные и автомобильные раз'езды, выставлены пешие заставы. Под'езжая к Крымскому мосту, слышим вправо на Москва-реке стрельбу. Мы бросились туда. Покамест пробирались — стрельба стихла.

Под'езжаем, видим — большая толпа красноармейцев. Тут же стоит моя машина, накренившись на левый бок. Колеса совершенно зарылись в снег. Сзади у бензинового бака лежит убитый милиционер. Фонари горят и освещают спереди, у самой машины,—убитого курсанта-артиллериста.

Мы стали выручать машину. Наши ребята из боевого отряда дружно принялись ее откапывать и с помощью товарищей красноармейцев выкатили ее на твердую дорогу. Машина оказалась в порядке.

Розыски продолжались. Бандиты отстрелялись у Крымского моста и, скрывшись на задворках домов, были преследуемы по пятам. Все розыскные организации работали. Однако, это были очень опытные бандиты. Главаря шайки долго не удавалось накрыть, наконец, и он был задержан, как и все его соучастники. Главарь — по прозвищу Кошелек, рассказал, что они после очень жалели, что не увезли вместе с собой Владимира Ильича.

— Взяли бы мы его в плен, — вот бы нам деньжищ отвалили бы за него, — мечтал Кошелек.

Пойманные бандиты этой шайки оказались с большим прошлым. Они имели за собой множество убийств, нападений, ограблений, налетов с человеческими жертвами. Все они, были расстреляны согласно железных приговоров ВЧК,

«1905 г.». СКУЛЬПТУРА ИЗ СНЕГА В МОСКВЕ НА СВЕРДЛОВСКОЙ ПЛОЩАДИ





Слева—**Баррикады**, справа—**Нападающие на них царские войска**

Т. Сапронов

Ильич играет в городки

Когда мне приходилось сталкиваться с тов. Лениным, я всегда удивлялся, каким это образом он, столь загруженный, успевал пользоваться всевозможными радостями жизни. Конечно, я этим не хочу сказать, что тов. Ленин любил роскошь или что-либо в этом роде, — наоборот, в материальном отношении он жил так скромно, что любой из работников мог бы у него поучиться, как нужно жить в период, когда голоден рабочий класс и нища страна.

Тов. Ленин очень любил цветы, деревья, птиц, любил природу вообще. Увлекался Владимир Ильич охотой. Насколько он был хороший охотник, судить не берусь: на охоту мне ходить не приходилось, но, если судить по той дичи, которую наши охотники, бывало, приносили, то неважный. Правда, в этом может быть виною не только охотник, но и отсутствие самой дичи в природе, но от этого не была меньше его страсть к охоте.

При случае В. И. увлекался играми, например, в городки. У нас в Горках были в моде городки; многие увлекались ими до бесчувствия. Вдоль аллейки, близ дома отдыха губернских работников, мы устроили площадку для городков, и оставшиеся еще после владельца насаженные вдоль аллеи цветы «варварски» посшибали палками. Как-то в праздничный день народу на отдых понаехало больше, чем всегда; затеяли игру в городки; азарт настолько разгорелся, что на цветы никто не обращал внимания, и их жалкие остатки беспощадно уничтожались бросаемыми палками. Над головой поднятая пыль стояла столбом, а воздух оглашался спорами, криком и гамом.

Вдруг открывается калитка и из нее к нам направляются Владимир Ильич, Надежда Константиновна и Марья Ильинична. Зная, как Владимир Ильич любовно относился к цветам, мы не на шутку струсили, ожидая, что «варварам», уничтожающим цветы, попадет основательно. И уже стали готовить шуточные возражения; одни говорили, что цветы ничто в сравнении с городками, другие говорили, что не хотим пользоваться буржуазной роскошью, насадим своих, и проч. и проч. Но обороны не потребовалось—тов. Ленин настолько был увлечен общим шумом и гамом, что, очевидно, и не заметил уничтожаемых цветов, а с места в карьер взялся за палки и так же азартно, как и все, начал игру.

Но как только Владимир Ильич начал игру, общий азарт как-то улегся, шум и гам немного стихли. Все, как-будто, были не то смущены, не то, может-быть, польщены участием Владимира Ильича в игре. Признаюсь, у меня лично вначале было такое чувство, что его, пожалуй, и неловко обыгрывать, но тов. Ленин сразу же вошел в такой азарт и так начал бить, что всех, как говорят, заткнул за пояс. И тут же, шутя, начал над всеми издеваться:

— Какие же вы игроки, я вот только что начал играть и всех обыгрываю.

К интеллигентам Владимир Ильич относился более или менее снисходительно, доставалось рабочим:

— Какие же вы пролетарии, какие же вы игроки, вот, как бейте, — и засим следует ловкий удар.

Меня Владимир Ильич упрекал за то, что не успел, мол, уйти с производства и сразу потерял ловкость строительного рабочего:

— Я за это вас перевожу в квалификацию второй руки.

И тут же тов. Ленин всех игроков разбил на игроков первой, второй и третьей руки (термин, употребляемый в строительном производстве). Игрок первой руки, кажется, оказался только один тов. Ленин, все остальные — второй и третьей.

Остроты и шутки тов. Ленина так всех увлекли, и вскоре начался шум и гам такой, что от первоначальной неловкости и следа не осталось. Мы все были с тов. Лениным на «вы», но в процессе игры, незаметно для себя, перешли на «ты», стали и над ним трунить, смеяться, орали, когда он начинал бить, и мешали ему бить.

Его остроты и шутки вызывали на соревнование, и первое настроение—«обыграть неудобно»—испарилось: мы, мол, пролетарии, в грязь лицом не ударим. Вскоре я выбил одним ударом фигуру и, вообще, стал бить ровнее. Он меня добросовестно перевел в игроки первой руки и, вообще, одних переводил из второй в третью, других — наоборот.

С тех пор тов. Ленин стал почти постоянным нашим игроком и всегда с тем же азартом, как и в первый раз, но рана от предательского выстрела, а затем какой-то из'ян, кажется, с почками, давали себя чувствовать, и Владимир Ильич стал играть хуже и так же добросовестно перевел себя в игроки второй руки, а вскоре играть ему врачи запретили.



БОЛЕЗНИ ПИОНЕР-ДВИЖЕНИЯ

Из крупнейших недостатков в работе пионер-организации следует отметить: а) увлечение внешностью, под которой не кроется воспитательной работы, по существу барабаномания,—**рис. 1.** *б) голый „политицизм“ (сухие, скучные доклады).*—**рис. 2.** *в) неувязка пионер-движения с школьной работой.*—**рис. 3.** *и г) чрезмерное утомление—результат перегрузки.*—**рис. 4.**

(Из резолюции XIV партс'езда по докладу т. Бухарина).

Н. Клязьменский *Рис. худ. Покровского*



Солнечные Зайчата

Каморка у Кости не ахти как велика, стол да кровать с сундуком только уставятся.

В ней больше бывает темно и сыро; окно одно, и то уперлось мутным взглядом в рыжий забор, за которым воткнулись в небо три такие же рыжие трубы. Дымят день и ночь.

Нехорошая каморка, и Костя не раз просил мать:

— Мамк, давай перейдем в другую... вон, как у дяди Луки... чтоб солнышко...

Мать махала рукой и серчала:

— Живи, где живешь... люди-то есть совсем без каморок, а то, ишь ты, солнышка захотел...

А солнышко Костя любит, но оно их каморку—не особенно, только весной и летом по утрам заглядывает. Мать на заработок с петухами встает, и Костя просыпается вместе с ней. Встает она и одевается тихо, но Костя, все равно, чуть свет в окно засочится—и глаза открыл.

Теперь весна и солнышко на восходе заглядывает сквозь двойные рамы в каморку и играет на стене двумя золотыми пушистыми зайчиками...

Из-за них Костя в такую рань и встает; смотрит на их веселую возню и сам, гляди того, расхохочется... а мать ругается:

— Ну, постреленок, вскочил! Спи! Еще успеешь спозаранку навставаться... на работу што-ль тебе?

И до тех пор, пока тетка Дарья из соседней каморки не пропоет:

— Анну-ушка, готова, што-ль?..

— Готова, готова...—засуетится мать и, завернув голову в сто раз штопанную косынку, скроется в спертых сумерках коридора.

А зайчики все веселей прыгают по стене, толкаются, смеются и, гляди, вот оторвутся и прямо на Костю свалятся, защекочут на-смерть...

На стене, где зайчики прыгают, ржаным хлебом картинки наклеены... На них Ильич, молодой и старый, стоя и сидя; над всеми картинками под самым потолком желтая картонка, на ней буквы чернильные вкось и вкривь, из них получается «уголок Ленина».

Костя уголок любит; всю зиму по картинке собирал его, всех знакомых и родных обшарил. Как завидит где журнал какой, первым долгом:

— Нет ли Ленина...—и если есть, миг,—и ножницы в руках.

У матери денег просил,—хотелось купить большого Ильича, чтоб во всю стену, как в «красном уголке», да мать не дает.

— Держи карман шире,—говорит,—на рубашку тебе не сколотишь, а то портрет...

— Не надо мне рубашки...

— Молчи уж...

Так и не дала, и нужно-то всего полтинник.

Теперь по утрам просыпаясь, смотрит не насмотрится, как играют в прищуренных глазах Ильича веселые зайчата.

Ильич от них щурится сильней и делается словно живой,—вот-вот соберутся морщины к глазам, и он рассмеется и скажет:

— Ну, Коська... и доняли меня...

Косте и самому хочется смеяться, он корчит от удовольствия разные рожи и подзадоривает веселых гостей:

— Крути его... Крути!

Но это недолго. Зайчата скоро устают, делаются бледными и чуть заметно ползут в темный угол, где и умирают под старой, опаутиненной, похожей на шоколад, иконой.

Ильич хмурится, брови жмутся к глазам, которые сердито смотрят в мутное окно, откуда только что были веселые гости.

Косте делается скучно и обидно, и он, зарывшись с головой в одеяло, снова засыпает. Во сне видит тысячи зайчиков, которые налипли на Ильича, он от них отбрыкивается ногами и руками...

— Ну, лешие, пошли... куда вас столько?..

Весна шагала верстами; солнышко все раньше и раньше заглядывало в сырую каморку Кости. Зайчата дольше и веселей играли по крутому лбу Ильича. Занятия в школе кончились, Костя дни проводил на воле, где все скреблось, мылось, и, казалось, пело при этом кто во что горазд.

Всюду ручьи бегут, толкаются, сливаются вместе, и в них золотыми искрами солнце рассыпано.

Весь гам весенний покрывают базарным треском воробьи; и грачи, хозяевами расхаживая по вытаявшим помойкам, снисходительно их слушают.

А солнце! Сколько его,—все затоплено им... захлебывается... и радость от этого в каждых глазах. Вон кошка, которая брезгливо обходила грязь, теперь шлепает напрямки по раскиселившейся дороге и хвост у ней радугой.

Костя с утра до поздней ночи бегал среди весеннего гама и старательно помогал весне; глядишь, тут ручеек засорился, тут лед неохотно тает, прикрытый мусором.—Нужно все устроить, подсобить весне сплавить ненужный зимний хлам.

Мать, приходя со смены, прибирала в каморке: мыла чашки, чистила самовар, обмахивала пауков, а раз Костю поймала и говорит:

Вот что, Коськ,—подсоби мне, сними икону с лампадкой да почисть... завтра Пасха...

— Не буду.

— Не будешь... а ремень...

— Бей, а чистить дурман разный не буду.

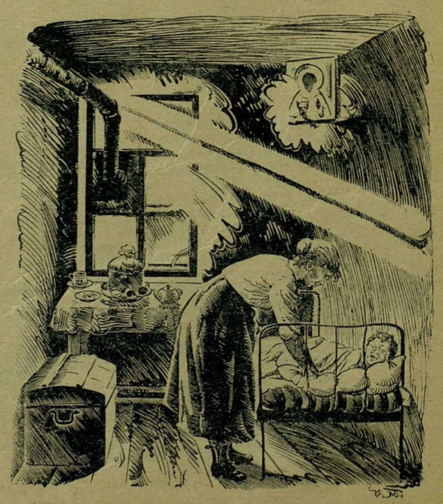
— Какой это тебе дурман... А?

И мать хотела проучить сына за смелые слова, Костя вывернулся—и поминай как звали.

Домой не являлся до вечера—боялся.

И только, когда солнце, раскрасневшись от работы, устало опустилось за речкой и от звезд пахнуло холодком—вернулся Костя.

В полусумраке каморки коптела лампадка, остро пахло мытыми полами; стол, заваленный всегда посудой, хлебом и крошками, теперь светлел чистой салфеткой, середь которой, примостившись на тарелке, дремал румяный кулич. Мать, к удивлению Кости, бить его не стала, а была какой-то мягкой и светлой, от нее пахло душистым мылом, из-под новой косынки смотрели на Костю ласковые глаза, от



— А уголок зачем выбросила?

этого Косте тоже стало хорошо и захотелось сказать матери приятное, но не знал как, и спросил:

— Маманьк... поесть нечего?

— Какая теперь еда? Вот после заутрени разговеемся... конфет, колбасы купила—все как следует, а сейчас хошь ложись спать, я кулич святить пойду, а то вон хлеб.

— А сыр есть?—справился Костя.

— Есть, да не про вашу честь...

— Не дашь, значит?...

— Дам, дам, не хнычь только.

После такого разговору не до хлеба, конечно, сыр с колбасой не давали Косте покою и он, в ожидании завтрашнего утра, усиленно глотал слюни,

Мать разорялась на такие лакомства только по большим праздникам, а потому Костя колбасу и сыр считал верхом счастья и не раз думал:

— Хоть разок бы досыта поесть.

И теперь сердце его сжалось в тоскливом ожидании.

Чтоб скорее шло время, лег спать; в голове, дразня, рисовалось завтрашнее утро... чай с конфетами... колбаса... сыр.

Долго ворочался Костя на своей укладке, но, наконец, разморенный хлопотливым днем уснул. Спал крепко, не слыхал бешеного колокольного звона, не видел пышных ракет, которые во тьме с змеиным шипом втыкались в черное небо и, разбившись, рассыпались миллионами искр.

Проснулся рано; за окном, в просвете рыжего забора, похожее на большую слезу лежало солнце. В каморке светло и чуть пахнет гарью от коптевшей всю ночь лампадки, с кухни слышно довольное хлюпанье вскипающего самовара и тянет аппетитным духом праздничной стряпни.

Костя сладко потянулся, хрустнули весело молодые кости, улыбнулся теплу и свету и подумал:

— Ничего денечек...

Потом перевел глаза на любимую стену, где каждое утро жмурился от зайчат Ильич, и... улыбка сползла с его лица, губы скривились обидой, из глаз хлынули слезы. Плакал громко с надрывом, как плачут только дети...

Плач Кости услыхала с кухни мать:

— Коська, ты што, иль невтерпеж разговеться?

Костя не отвечал, вльнув головой в подушку, плакал.

— Ну, брось хныкать, говори толком, а то распустил нюни, а чего, сам не знает... сейчас разговляться будем...

— Не хочу разговляться.

— Не хочешь... капризию выставляешь!.

Костя поднял измокшее в слезах лицо и, сердито уставившись на мать, спросил:

— А «уголок» зачем выбросила?

— Вот оно што. А я то думала... Это ты из-за картинок и хнычешь.

— Вот дуралей то... да пойми же, только стену они портят... изгадил так, еле карчоткой отскребла... Ну, ладно, перестань... Вставай разговляться...

— Не буду.

И сквозь слезы Костя слышал, как тетка Дарья на кухне спросила мать:

— Что твой паренек-то разревелся?

— Дурит... — ответила мать.

От этого Косте стало еще горше, слезы ливнем потекли на подушку, а на голой, тщательно протертой стене сидели и робко жались друг к другу два удивленных золотых зайчика—они, казалось, сочувствовали Костиному горю.



Наша жизнь

РАБОТУ НАЛАДИЛИ

Хотя нашему отряду и исполнилась в октябре месяце годовщина, но все же работа велась кое-как. За истекший год сменили 4-х вожатых, что являлось главным тормозом работы отряда. Не успеет вожатый отряда привыкнуть к отряду, начать работу, — его почему-то сменяет райбюро и переводит в другой отряд.

Много и еще недостатков было, много и сейчас осталось: у нас нет комнатки, все развешенные ребятами работы в коридоре школы, при которой находится отряд (1-я опытно-показательная школа, им. Н. К. Крупской), учащиеся ломают, портят, рвут, чертят, благодаря чему у ребят пионеров в результате охота к работе пропадает.

Затем, звеньевые сборы проводились не регулярно, а также отрядные. За все время выпустили всего 2 номера стенгазеты.

В летнее время, в самый период пионерской работы, ребята почти все раз'ехались по деревням и работа почти не велась.

С началом же учебного года дело также не изменилось, если бы не новый вожатый, которую назначило райбюро, с которой работа быстро поднялась: и звенья стали работать, и стенгазету выпустили, да такую, что у школьников глаза и зубы разгорелись, на отрядные сборы приходят все пионеры, сборы проходят оживленно.

Прежде, чем начать какую-либо беседу, вожатый спрашивает на эту тему пионеров, кто что знает, а сама добавляет.

Ребята дружно поют песни, играют, марширують. На звеньевых сборах также готовят уголки, маршируют, играют и т. д.

В общем работу наладили.

Степан Шацков

ПИОНЕР НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПЛОХИМ УЧЕНИКОМ

В этом году наш отряд решил хорошо взяться за привлечение пионеров к настоящей полезной учебе. Своей задачей мы поставили, чтобы в нашем отряде не было ни одного пионера плохого ученика в школе.

Но говорить легко, нужно уметь это выполнить на деле. На общем сборе поставили вопрос о поведении и учебе пионеров в школе. Многие говорили, что хорошей учебе их мешает нехватка учебных пособий (которые они не в состоянии купить) и т. п.

Для этого мы приняли ряд мер для помощи этим пионерам. Напр., тем пионерам, которым не хватает книг, должны помочь старшие пионеры, у которых имеется много книг, для них уже ненужных, но необходимых для младших. Это мы проводим на деле; некоторым пионерам уже оказана помощь в учебных пособиях. Но целиком осуществить потребности пионеров в учебных пособиях нам не удастся, так как в школах теперь употребляют массу новых книг, которых у старших не имеется.

И вот мы решили, чтобы пионеры ходатайствовали в школе о введении нового способа обучения, о разделении группы на кружки, делающие вместе уроки. Это даст возможность лучше разобраться в уроке и коллективно купить необходимые книги. (Этот метод практикуется у нас в 2-х школах).

Но не одни книги мешают учобе, есть пионеры, которые чувствуют себя слабыми для изучения того или иного предмета. В помощь этим пионерам отряд решил выделить более старших пионеров для подучения с ними этого предмета.

Отряд отметил недисциплинированность многих пионеров в школе, которую нужно будет в скором будущем урегулировать.

Все эти задачи мы взялись и будем стараться выполнить. Этим мы окажем большую помощь пионерам в их повседневной учобе.

Г. Слуцк **С. Мандель**

ПИОНЕРЫ В МАСТЕРСКИХ

— Митька, подай рубанок. Мне только эту доску обстругать. Федя, неси гвоздь, а то не выдержу,—кричит пионер Шура, державший в углу поломанный стол.

— Смотри, Миша, рамка какая получилась для портрета. Знаешь что, обделаю ее лучше, покрашу, вставлю портрет Ильича и подарю коллективу.

—Правильно,—подхватывают несколько ребят.—Хорошо сделаешь.

Все ребята, засучив рукава, работают: там несколько пионеров починяют в углу школьные столы, парты; смотришь, несколько пионеров делают октябрятам игрушки.

— Вот будет радоваться наша смена,— говорит входящая в мастерскую пионерка Саня.

Один раз в мастерскую зашел заведующий во время работы, обошел всех, посмотрел и говорит:

— Вот, молодцы пионеры: хорошо работают.

Ребята как бы в подтверждение этих слов еще усерднее принялись за работу и к окончанию работы три починенных стола внесли в школу.

Кроме столярной, у нас при школе есть еще переплетная мастерская. За длинными столами, за станками, засучив рукава, сидят пионеры. Среди них есть и школьники. Все работают. Изредка слышны голоса:

— Миша, смотри мой блокнот, а знаешь, я переплел мою ленинскую библиотечку.

К каждому подходит учитель, об'ясняет.

Так работают, обучаются ремеслу наши пионеры.

Ким Серебряный.

г. Екатеринослав.

МЕНЬШЕ УДЕЛЯТЬ ВНИМАНИЯ МЕЛОЧАМ

Почему ты завязываешь галстук узлом, ведь, это же неудобно. Не лучше ли носить «смычку» — спросила я как-то знакомую пионерку.

— Видишь ли, узел — это знак тесной смычки, — ответила она: я, было, начала носить смычку, да вожатая так отчитала, что больше не надену».

— Что-ж она сказала?

— Ты, звеновая, должна другим пример показать.

Но неужели же так важно завязывать галстук узлом! Ведь, ты хоть и смычку носишь, а хорошей пионеркой останешься. А какой-нибудь шалопай хоть и узел завяжет, а плохим пионером будет.

Она пожала плечами: — это правда, что ты говоришь, но раз вожатая сказала, значит слушаться надо.

Была гололедка. Мы с той пионеркой шли, кажется, на собрание в школу; чтоб не упасть, я взяла ее под руку. Она так и отшатнулась от меня.

— Что ты, что ты?

—Нам не велят под руку ходить.

— Да почему, — удивилась я.

— Потому что «не всегда готов».

— Я не понимаю, какое отношение имеет ходьба под ручку к готовности стоять за дело рабочего класса.

— Об'ясни, пожалуйста.

Очень просто. Когда идешь под руку, то не можешь в любое время отдать салюта, — ответила она.

Но, — опять спросила я — разве так важно во время поднять руку. Ведь, опять же плохой пионер это может сделать. Поднять руку не трудно. Зачем так держаться формы.

— Не знаю, я исполню то, что мне говорят.

По-моему такое слепое послушание не должно существовать в пионер-отрядах: пионеры все распоряжения должны подвергать критике и не должны так строго держаться формы. Ведь, такая мелочь, как завязывание галстука узлом или смычкой, не может иметь никакого влияния на работу пионера.

Пионерка А. Огурцова.



Пионерка читает журнал в избе-читальне

ЧТО МЕШАЕТ РАБОТЕ В ОТРЯДАХ

Часто бывает, что на сборах коллективов обсуждается важный вопрос. Один пионер дает исчерпывающее предложение, другой повторяет то же самое, третий, четвертый—тоже, и получается, что на каждом вопросе торчат по часу, и ребятам надоедает сбор. Кроме того, часто бывает, что пионер, готовя какой-нибудь доклад, считает своим долгом говорить не меньше получаса, хотя важное сказал в первые 10 минут; собрание также ребятам надоедает, начинается шум, не задают вопросов, хотя многое бывает неясно, и недовольные расходятся.

Кроме этих фактов, еще много других, мешавших работе коллективов, как, например, разделение мальчиков и девочек. Почти в каждом коллективе есть более активные ребята; этот актив состоит из нескольких товарищей, смотрящих на остальных свысока. Примеры можно привести следующие: когда куда-нибудь выбирают, сразу же назначают парня активного, и в итоге получается то, что актив имеет по 5 нагрузок, а остальные только думают о работе.

На занятиях звеньев то же самое, всегда можно заметить, что все время выступает один, а остальные молчат. Это все убивает самодеятельность ребят, которые хотят работать. Вопрос о разделении на мальчиков и девочек тоже стоит в коллективах больным вопросом. Происходит это разделение оттого, что пионеры еще до сих пор не признают равноправия между собой и пионерками.

Пионерки в свою очередь не отстают от пионеров, дразня девочек именами мальчиков; часто это видят беспризорные и посещающие коллектив и уж примера с пионеров брать не могут. Еще один факт: пионер никогда не скажет пионерка, а всегда скажет «баба». Выбирают в комиссию, назначают девочку, сейчас какой-нибудь пионер скажет:

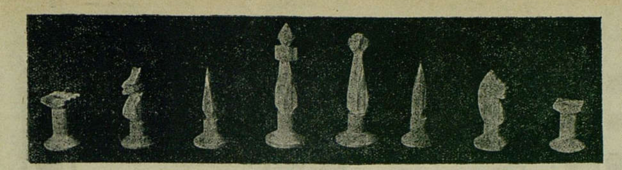
— А, что там бабы смогут сделать, выберем парня,—и если мальчиков большинство, то сейчас же приводят в исполнение. Результаты всего этого те, что коллектив разделяется на два лагеря, каждая группа старается провести свою линию, возникают разногласия между пионерами. Все это сильно тормозит работу в коллективах, и с этим нужно повести решительную борьбу.

Ставя статью на обсуждение, я хотел бы, чтоб пикоры высказали свое мнение по этому вопросу и указали бы методы борьбы с этим.

Пионер К. С—й.



В деревенской школе



Как самому сделать шахматы

Одною из самых распространенных игр являются шахматы. Игра эта изобретена очень давно—несколько тысяч лет тому назад в Индии. В шахматы играют с одинаковым увлечением и взрослые и дети. Нет ни одного выдающегося человека, который бы не увлекался этой игрой.

Привлекательность игры не только в ее занимательности. Шахматы развивают в человеке важнейшие его способности: внимание, сообразительность, предусмотрительность, осторожность, умение использовать слабость врага. Шахматы приучают находить выход из трудного положения, не теряться в опасности, не зарываться при своем превосходстве.

К сожалению, шахматы не всегда и не везде можно купить. Из-за отсутствия шахматной доски и фигур многие не имеют возможности занять свободное время этой замечательной игрой. Кроме того, у пионера не всегда найдутся два-три рубля для покупки шахмат.

Мы советуем делать шахматы из катушек. Для этого не нужно никаких инструментов, кроме острого ножа, и никакой специальной выучки. Вся работа с успехом может быть выполнена каждым, кто захочет иметь эти изящные, совершенно подобные настоящим,—шахматы.

Предварительно нужно собрать 18 катушек из-под ниток. (Иногда их называют шпульками). Важнее иметь из них девять черных и девять белых, но если белых больше, то можно лишние перекрасить в черные.

Семь белых и семь черных катушек разрезаются пополам острым ножом, катая их под ним так, чтобы лезвее пришлось посредине катушки. Из целых катушек делаются ладьи (иначе—туры). Основание остается нетронутым, но верх катушки делается квадратным и на сторонах квадрата нарезываются маленькие зубцы. (нижний рис., 3-я фигура слева).

Из полученных четырнадцати белых половинок и четырнадцати черных приготовляются черные и белые пешки, по восьми каждого цвета. Можно оставить их как они есть, но лучше взять тонкую квадратную палочку, лучше всего осиновую, так как осина хорошо режется ножом, и из этой палочки сделать маленькие копья с толстыми концами, которыми их и вставить в половинки катушек так, чтобы они плотно входили в них и крепко держались. (нижний рис. 1-я фигура слева).

Остальные половинки катушек идут под другие фигуры. Из неширокой тонкой дощечки нужно вырезать подобие лошадиной головы, которую так же, как и копья, вставить в половинки катушек оставленным под вырезанным конем колышком.

Слон (или офицер) делается копьем, как у пешек, но копье длинное и высокое. (5-ый рис. слева.) Король и ферзь (королева) имеют одинаковое очертание, но король делается выше и к нему прибавляется лишняя резьба. В основание их кладется тоже копье, как и у офицера, но для ферзя добавляется головка сверху, а для короля между головкой и туловищем вырезывается еще кольцо.

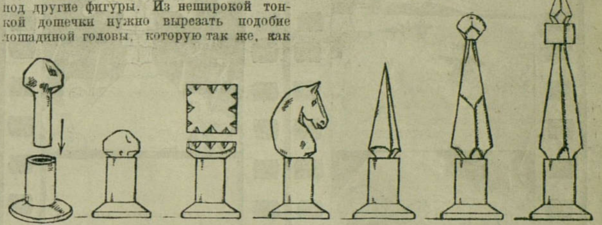
Для всех этих работ предварительно выстрогивается четырехгранная палочка, из которой нетрудно вырезать фигуры, вставляемые затем в разрезанные катушки.

Фигуры, вставленные в черные катушки, потом замазываются чернилами. Таким образом получаются все нужные в игре фигуры—черные и белые.

Шахматная доска делается на простом листе бумаги. Ее разграфляют на одинаковые квадратики, по восьми в каждой стороне. Затем чернилами или карандашом через один зачерняются. Чтобы квадратики (шахматное поле) были одинаковы, следует сначала взять полоску бумаги, равной длины с стороною шахматной доски, сложить ее в восемь раз и, приложив, как линейку, отметить, где графить линейкой.

На наших рисунках изображены шахматы, сделанные таким образом.

Лев Гумилевский.



Ответы деткорам

(Окончание. См. 2-ю стр. обложки)

Михаил Раков (ст. Кожино), Б. Берштейн (Баку), Вас. Шиманаев (ст. Гаврилов—Ям, Яросл. губ.) пишут об экскурсиях, но описывают не то, что они увидели на экскурсии, а как они шли дорогой, или опять только перечисляют:

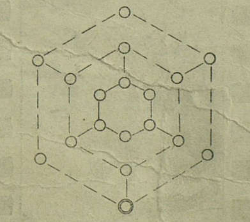
> «Побывали в рубке, в машинном отделении. Сперва ознакомились с жизнью матросов, потом рассказали им о своей жизни. Смычка была закреплена, и мы весело разошлись».

пишет Берштейн об экскурсии на корабль.

Мы очень рады за них, что побывали и весело разошлись, но читатель ничего не узнает, каким образом пионеры закрепляли смычку, что вынесли из экскурсии. Надо написать об экскурсии так, чтобы у читающего получилось впечатление, как-будто он сам побывал на этой экскурсии.

Пишут ребята и руководящие статьи на разные темы:—о перегрузке, о работе в школе и т. д., много рассуждая и щеголяя умными фразами. Но толку от этого мало, у авторов нет еще достаточного опыта, получается неубедительно; надо писать такие статьи, основываясь на каком-либо интересном примере или на проделанном опыте. Такую статью и читать интереснее и лучше она воспринимается ребятами.

Отгадай



№ 5. ЗАДАЧА

(Р. З.)

Вожатый отряда, собрав около себя пионеров, разложил на столе 18 орехов и соединил их между собой спичками так, как это показано на чертеже.

Потом он, обратившись к ребятам, сказал:

—«Эти 18 орехов получит тот, кто сумеет снять все орехи при следующих условиях: начиная с нижнего ореха (обведен двойным кружком) идите по линиям из спичек по орехам все время вперед и при этом считайте: раз, два три, раз, два три... При счете «три» снимайте орех и следуйте дальше. Так поступайте до тех пор, пока не будут сняты все орехи, но нужно помнить, что итти можно только вперед, и что, если счет «три» падет на пустое место (где орех снят), то ход неверен, и, следовательно, нужно итти иначе. Вот и все».

Один из пионеров подумал и снял по условию все орехи. А ну-ка, попробуй ты снять!

№ 6. ЗАДАЧА

(Ис. Кац.)

Даны числа: 4. 4. 6. 8. 9. 9. 11. 12. 12. 12. 15. 15. 18. 20. 22. 27. 28. 31. 31. Одно из чисел ряда разделить пополам и полученную цифру вычесть порознь из всех данных чисел. Остатки от вычитания заменить буквами по порядку русского алфавита (а = 1, б = 2, в = 3 и т. д.), после чего буквы расположить так, чтобы прочесть лозунг, к выполнению которого стремится и будет стремиться всю жизнь каждый пионер.

№ 7. ЗАДАЧА-ШУТКА

(Шафар Б.)

Число 999 уменьшить в 1½ раза, не производя над ним никаких ... [illegible]

Цена № 20 коп.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕТЬКИ-ПИОНЕРА

КИНО-ФИЛЬМА ЖУРНАЛА „ПИОНЕР"

РЕЖИССЕР · СЦЕНАРИСТ · БОБКИНС

ХУДОЖНИК · ОПЕРАТОР · В. СУТЕЕВ

2-я ЧАСТЬ

— Это медный колчедан, сказал Петька, — из него делают медь, а из меди кастрюли и другие вещи. Это неисчерпаемое богатство. Где вы берете эти штуки?

— Ура! — закончил Петька свою торжественную речь. Надо организовать охрану этих богатств Республики!

— Мастер Тоффисон — продувной представитель английского капитала — несколько опоздал, но решил попытать счастья.







— Богатства сохранены для рабочих и крестьян Советского Союза! Наше дело здесь сделано.

Завтра едем к полюсу, а теперь спать.



Содержание 1-ой части.

Пионер Петька решается отправиться к Северному полюсу. Ознакомившись с картой, он собирает свои вещи, залезает в ящик за вагоном и уезжает на север. Вылезши после долгого пути из ящика, он наталкивается на медведя.